

Кровная месть

– Я не буду этого делать! – Юнус вскинул руки, как бы защищаясь. – Лучше сам застрелюсь!

Дени жалостливо смотрел, как старший брат, запустив пальцы в кудрявую копну волос, растерянно метался по гаражу.

– Чего молчишь? Выскажись!

Дени опустил голову, изучая стрелки на своих брюках, прислонился к бамперу старой «Волги». Нащупал рукой

на капоте скачущего во весь опор оленя. Закрыв глаза.

– Брат, ты ведь сам понимаешь, на весь наш род ляжет пятно из-за Малики.

– Да кто бы что понимал? – взорвался Юнус. – Кто обратит внимание? Родила – и ладно. Кому какая разница?

– Через одиннадцать месяцев после смерти мужа?! Ты что говоришь? Думаешь, люди глупы? Не в силах отличить одиннадцать от девяти? Скажут: «О, неужели Шамсти иногда навещает свою вдову»? Позор будет не только на ней. На тебе, на мне, сёстрах. На детях.

– Да не могу я! Понимаешь? Она – женщина! Как я лишу племянников матери? Я ведь не убийца! Не пойду! Нет! Ну, хочешь, я на колени встану, а?

Стремительно подскочив к брату, Дени предотвратил его попытку пасть ниц. Обнял. Горячо зашептал в ухо:

– Что ты? Что ты, родной? Не смей. Чеченцы не встают на колени. Даже женщины.

Юнус тяжело дышал. Его знобило.

– Иди в дом, Юнус. Попроси Лайлу приготовить на ужин чепалгаш. Оставим разговор до завтра, хорошо?

В ответ на кивок Дени ласково похлопал брата по спине и проводил до порога его дома. Вернулся в гараж, сел на корточки перед выдавшим виды автомобилем. Никелированный олень одиноко и гордо мчался вперёд и куда-то выше. Его цель была над горизонтом, и на земле его уже ничто не держало.

Услышав сзади тихие шаги, головы не повернул.

– Что решили-то, мужчины? – язвительно спросила вошедшая в гараж жена.

Дени промолчал, завистливо рассматривая счастливого оленя.

– Ну сделайте вообще хоть что-нибудь! – возвысила она голос. – Или, может, мне юбку снять, брюки твои надеть и самой взяться за это дело? Если мужчин в роду не осталось. В сентябре дети в школу пойдут. Что им скажут? А отец? Он глаза на меня, свою сноху, не может поднять от стыда. Если бы он мог ходить, уже давно смыл бы позор с твоего покойного брата! Молит Бога о втором инсульте!

Дени поднял руку, прерывая гневную тираду.

– Альбика, верёвка хороша длинная, а слово – короткое. Прошу тебя, не ругайся. Завтра Юнус сделает то, что должен сделать. Я всё улажу.

Жена недоверчиво хмыкнула и удалилась в дом.

Дени остался один. Потёр с усилием лоб. Долго сидел, закрыв глаза.

Поднялся, вяло походил вокруг машины, над которой бился уже третий месяц.

Подошёл к верстаку и взял в руки двуствольное ружьё, которым обычно пугали голубей.

Повесил за плечо.

Запустил руку в коробку с патронами, вынул полную горсть, высыпал обратно. Холостые сейчас не нужны.

Торопливо, чтоб никто не заметил в окно, пересёк пустой дворик между тремя домами – его, Юнуса и овдовевшего отца. Остановился на мгновение у ворот под грецким орехом, с которого свалился в девятом классе и чуть не испустил дух. Прислушался к возмущённым крикам, доносившимся из глубины сада. – дети гоняли мяч в лунки, и Марет, его старшая дочь, кажется, уличала кого-то из братьев в нечестной игре.

Потихоньку вышел на улицу и, вежливо здороваясь с попадавшимися на пути соседями, поплёлся мимо кладбища вверх по улице – к дому своего двоюродного дяди.

– Патроны, говоришь? Какой калибр? Двадцатый? А-а... Сейчас. – Солса долго копался в доме и, наконец, вынес коробку с патронами:– Вот, с пулями. С дробью кончились.

Он покосился на ружьё, висевшее за плечом племянника.

– Что-то ты небритый какой-то сегодня. И стрелки у тебя плохо проглажены. Ладно, пойду домой, русские сейчас с румынами играют. Пока ноль-ноль. Надеюсь, Протасов им покажет настоящий футбол.

И Солса поспешил в дом, оставив Дени сидеть на скамейке. Через минуту из дома раздались истошные вопли:

– Что-о? Один-ноль? Как? На сорок первой минуте! Собачьи дети! Тьфу! Сорок тысяч человек на стадионе! Так опозорить страну! Криворукий Даса...

Дальше Дени не слышал, ибо взял из коробки один патрон, сунул его в карман брюк и выбрел со двора.

Тутовник уже начал осыпаться, и его раздавленные ягоды красили тротуар в белый, жёлтый, розовый и чёрный цвета. Люди, попадающиеся навстречу, старались не замечать либо ружья за спиной у Дени, либо его самого. Он с надеждой заглядывал в их лица, но все делали вид, что человек, прогуливающийся с ружьём по улицам города, – явление не более удивительное, чем заход солнца.

Перейдя через проезжую часть перекрёстка, Дени вынужден был остановиться – по тротуару неспешно шёл, опираясь на палку, седовласый старик в папаше. Хотя до него было метров десять, было бы непочтительно переходить ему дорогу. Вскоре старик поравнялся с ним, окинул властным взором, одобрительно качнул головой и проследовал дальше.

Дом брата был уже совсем рядом, когда из-за поворота выехала милицейская машина. Дени встал как вкопанный и облегчённо устался на неё. Водитель между тем сбавил скорость до минимума. Милиционеры в течение целой минуты изучали Дени через окна с опущенными стёклами. Затем, показав правый поворот, «бобик» свернул на другую улицу и уехал, оставив Дени потрясённо глядеть ему вслед.

Прислонившись спиной к низкому кирпичному забору, который они с Шамсти и Юнусом когда-то выкладывали самостоятельно, Дени сел на корточки, откинул голову назад и долго смотрел в медленное розовое небо. Потяжелевшая двустволка лежала на его руках. Загнав патрон в патронник ствола, он, удерживая открытое ружьё на сгибе руки, вошёл во двор, оставляя своё счастье где-то далеко позади.

– Малика! – закричал он так громко, как только смог. – Выходи и встреть свою смерть!

Ответом ему был испуганный плач младенца. Он вздрогнул. Голова как-то странно закружилась.

– Малика, выходи! – взревел он, перекрикивая футбол, «Изауру» и безмятежность всего мира, – Это я, Дени! Я пришёл убить тебя!

Он затворил ружьё и взял его наперевес, не взводя курка.

Дверь открылась, и на порог вышел старший сын Шамсти – Арсен.

– Уходи, Дени! – крикнул подросток так, чтоб слышали соседи.

Дени уставился на племянника. Тот смотрел исподлобья прямо в его глаза.

– Она – моя мать! Не дам её убивать! Что бы она ни сделала! Хочешь – в меня выстрели! Зачем ты пришёл? Иди домой! Пусть на мне будет позор! На мне одном!

Опустив ружьё к земле, Дени закрыл глаза, вдохнул сладкий запах вечерней прохлады и представил, как одинокий олень взлетает в небо и парит над всей землёй.

Спустя минуту он спокойно и чинно шёл по розовой улице, но в душе своей бежал, взлетая, раскинув руки, словно крылья и счастливо смеялся, не замечая никого вокруг.

Ружьё, никогда не стрелявшее ничем, кроме холостых патронов, осталось валяться в пыли под ногами юного Арсена, который благодарил Бога, что его никто сейчас не видит, и плакал, украдкой утирая слёзы.

А когда, спустя месяц, хоронили старого Лечу, Арсен молча стоял отдельно от всех мужчин, поскольку был опозорен. И только один Дени тайком поглядывал в сторону племянника.

